

БЫЛИНЫ

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

ДРЕВНЕРУССКИЕ
ПОВЕСТИ

МОСКВА

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1979

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ТЕКСТ

СЛОВО О ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Не лѣпо ли ны бѣшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню*.

Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ бо, рече, пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй, которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше — старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскими, красному Романови Святъславличю*. Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣи пушаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимирера до нынѣшняго Игоря*, иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ; наплѣнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю Половѣцкую за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты*. И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братие и дружино! Луце жѣ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои брѣзья комони да позримъ синего Дону». Спаль князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго. «Хошу бо,— рече,— копие приломити конецъ поля Половецкаго; съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа пълкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню* чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку*: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону великому». Чи ли вѣспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржутъ за Сулою — звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ* — стоять стязи въ Путивлѣ».

Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣт свѣтлыи — ты, Игорю!

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ПЕРЕВОД

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть начнется же песнь эта по былям нашего времени, а не по замыслению Бояна*.

Боян же вещей, если хотел кому песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Вспоминал он, как говорил, прежних времен усобицы. Тогда напускал десять соколов на стаю лебедей, какую лебедь настигали, та первой и пела песнь — старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу*. Боян же, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны воскладал; они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря*, который скрепил ум силою своею и поострил сердце свое мужеством; исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел воинов своих, тьмою прикрытых*. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; сядем же, братья, на борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание отвесть Дон великий заслонило ему предзнаменование. «Хочу, — сказал, — копье преломить на границе поля Половецкого; с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить, либо шлемом испить из Дона».

О Боян, соловей старого времени! Вот бы ты походы те воспел, скача, соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая славу обеих половин сего времени, рыща по тропе Трояна* через поля на горы.

Так бы пришлось внуку Велеса воспеть песнь Игорю*: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок летят к Дону великому». Или так бы начать тебе петь, вещей Боян, Велесов внук: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве; трубы трубят в Новгороде* — стоят стяги в Путивле!

Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему буй тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь!

Оба есвѣ Святъславличя! Съдлай, брате, свои брѣзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни свѣдоми кѣмети: подѣ трубами повити, подѣ шеломи възлѣлѣяни, конецъ копия възкрѣмлени, пути имѣ вѣдоми, яругы имѣ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изѣострени; сами скачють, акы сѣрыи влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ».

Тогда вѣступи Игорь князь въ златѣ стремянѣ и поѣха по чистому полю. Солнце ему тѣмою путь заступаше; ночь стонуши ему грозою птичь убуди; свистѣ звѣринѣ вѣста, збися дивѣ — кличетѣ врѣху древа, велитѣ послушати — земли незнаемѣ, Влѣзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню*, и тебѣ, Тьмутороканьскій блѣванѣ! А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому: крычатѣ тѣлѣгы полунощы, рѣци, лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетѣ. Уже бо бѣды его пасетѣ птицѣ по дубию; влѣци грозу вѣсрожатѣ по яругамѣ; орли клеткомѣ на кости звѣри зовутѣ; лисици брешутѣ на чрѣленыя* щиты.

О Руская землѣ! Уже за шеломянемѣ еси!

Длѣго ночь мрѣкнетѣ. Заря свѣт запала, мѣгла поля покрыла. Щекотѣ славий успе; говорѣ галичѣ убуди. Русичи великая поля чрѣлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю — славы.

Сѣ зарания въ пятокѣ потопташа поганыя плѣкы половецкыя и, рассушясѣ стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а сѣ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты*. Орѣтѣмами и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомѣ и грязивымѣ мѣстомѣ*, и всякыми узорочьи половѣцкыми. Чрѣленѣ стягѣ, бѣла хорюговѣ, чрѣлена чолка*, сребрено стружие — храброму Святъславличю!

Дремлетѣ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрѣный воронѣ, поганый половчине! Гзакѣ бежитѣ сѣрымѣ влѣкомѣ, Кончакѣ* ему слѣдѣ правитѣ къ Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтѣ повѣдають; чрѣныя туча сѣ моря идуть, хотятѣ прикрыти 4 солнца*. а въ нихѣ трепещутѣ синни мѣнии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами сѣ Дону великаго! Ту ся копиемѣ приламатѣ, ту ся саблямѣ потручатѣ о шеломи половецкыя, ни рѣцѣ на Каялѣ*, у Дону великаго.

О Руская землѣ! Уже за шеломянемѣ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють сѣ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы. Земля тутнетѣ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають, стязи глаголютъ: половци идуть

Оба мы — Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои-то готовы, уже оседланы у Курска. А мои-то куряне — испытанные воины: под трубами родились, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наострены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступило; ночь стонами грозы птиц пробудила; свист звериный встал, взбился див — кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле незнаемой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню*, и тебе, Тмутороканский идол! А половцы непроторенными дорогами побежали к Дону великому: кричат телеги в полночи, словно лебеди распуганные.

Игорь к Дону воинов ведет. Уже беду его подстерегают птицы по дубам; волки грозу накликают по оврагам; орлы клетком на кости зверей зовут; лисицы брешут на червленые* щиты.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет. Заря свет уронила, мгла поля покрыла. Щекот соловьиный уснул, говор галочий пробудился. Русичи великие поля червлеными щитами преградили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты*. Покрывалами, и плащами, и кожухами стали мосты мостить по болотам и топким местам*, и всякими узорочьями половецкими. Червленый стяг, белая хоругвь, червленый бунчук*, серебряное копье — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далекое залетело! Не было оно в обиду порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половец! Гзак бежит серым волком, Кончак* ему след указывает к Дону великому.

На другой день рано утром кровавые зори свет возвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца*, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям изломиться, тут саблям побиться о шлемы половецкие, на реке на Каяле*, у Дона великого!

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля прикрывает, стяги говорят: половцы идут от Дона, и от

отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ рускыя плѣкы оступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Ярь туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеси на вои стрѣлами, гремлеси о шеломы мечи харалужными! Камо, турь, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе, ярь туре Всеволоде! Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола*, и своя милья хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая!

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плѣци Олговы, Ольга Святъславличя*. Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянъ въ градъ Тѣмutorоканъ, той же звонъ слыша давный великий Ярославъ, а сынъ Всеволожъ, Владимиръ*, по вся утра уши закладаше въ Черниговъ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе*, и на Канину зелену паполому постла* за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелъ яти отца своего между угорьскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву*.

Тогда, при Олзѣ Гориславличи, сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука*; въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие. То было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сицей рати не слышано! Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копиа харалужныя въ полѣ незнаемъ, среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна: тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить — далече рано предъ зорями? Игорь плѣкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала обида въ силахъ Даждьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣм море у Дону; плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату:

моря, и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи преградили червленными щитами.

Ярый тур Всеволод! Стоишь ты в середине боя, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными! Куда, тур, поскачешь, своим златым шлемом посвечивая, там лежат поганые головы половецкие. Рассечены саблями калеными шлемы аварские тобою, ярый тур Всеволод! Какой раны, братья, побоится тот, кто забыл честь и богатство, и города Чернигова отчий золотой стол*, и своей милой жены, прекрасной Глебовны свычай и обычай!

Были века Трояна, минули годы Ярославовы; были походы Олеговы, Олега Святославича*. Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Вступал в золотое стремя в городе Тмуторокане, а тот звон уже слышал давний великий Ярослав, а сын Всеволода, Владимир*, каждое утро уши закладывал в Чернигове. Бориса же Вячеславича, храброго и молодого князя, похвальба на суд привела*, и на Канину зеленый саван постлала* за обиду Олегову. С той же Каялы Святополк повелел привезти отца своего между венгерскими иноходцами ко святой Софии к Киеву*.

Тогда, при Олеге Гориславиче, заседалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажьбожьего внука*, в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу. То было в те рати и в те походы, а такой рати не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копыя булатные в поле незнаемом, среди земли Половецкой. Черна земля под копытами костьми была засеяна, а кровью полита: горем взошел посев по Русской земле.

Что мне шумит, что мне звенит — далеко рано пред зарею? Игорь полки заворачивает, ибо жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой; на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не достало; тут пир закончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево с тоской к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Встала обида в полках Дажьбожьего внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона; плеская, прогнала времена обилия. Рати князей на поганых прекратились, ибо сказал брат

«Се — мое, а то — мое же». И начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати. А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече заиде соколъ, птицъ бья,— к морю! А Игорева храбраго плѣку не крѣсити! За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ*. Жены руския въсплакашась, аркучи: «Уже нам своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!» А въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастями. Тоска разлися по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Руския. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста которую, ту бѣше успиль отецъ ихъ — Святъславъ* грозный великий киевский — грозою: бѣшетъ притрепаль своими сильными плѣкы и харалужными мечи, наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота. А поганаго Кобяка изъ луку моря* отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже: и падесея Кобякъ въ градъ Киевъ, въ гриднищъ Святъславли. Ту нѣмци и венецици, ту греци и моравя поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы,— рѣкы половецкыя,— рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ. «Синочь съ вечера одѣвахуть мя,— рече,— чрѣною паполомою на кровати тисовѣ; чрѣпахуть ми синее вино, съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ* на лоно и нѣгуютъ мя. Уже дѣскы безъ кнѣса* в моемъ теремѣ златоврѣсѣмъ. Всю нощъ съ вечера бусови врани възграяху у Плѣсньска на болони бѣша дѣбрь Кияню* и несошася къ синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опуташа въ путины* желѣзны». Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркости, оба багряная стлѣпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца — Олегъ и Святъславъ — тѣмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста хинови*. На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла — по Руской земли прострошася половци, акы пардуже гнѣздо. Уже снесесе хула на хвалу; уже

брату: «Это — мое, и то — мое же». И стали князья про малое «это великое» говорить и сами на себя крамолу ковать. А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, — к морю! А Игорева храброго полка не воскресить! Его кликнула Карна, и Желя поскокала по Русской земле, огонь мыкая в пламенном роге*. Жены русские заплакали, приговаривая: «Уже нам своих милых ладни мыслию не смыслить, ни думою не сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра и пуще того в руках не подержать!» И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые сами, с победами нарыскивая на Русскую землю, брали дань по белке от двора.

Ибо те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, раздором пробудили коварство врагов, его было усыпил отец их — Святослав*, грозный великий киевский — грозою: устрашил половцев своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка от лукоморья*, из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, клянут князя Игоря, что потопил богатство на дне Каялы — реки Половецкой, — русское золото просыпав. Тут Игорь-князь пересел из седла золотого в седло рабское. Приуныли у городов забралы, а веселие поникло.

А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня, — говорит, — черным покрывалом на кровати тисовой; черпали мне синее вино, с горем смешанное; сыпали мне крупный жемчуг* на грудь из пустых колчанов поганых иноземцев и нежили меня. Уже доски без князька* в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесеньска на лугу, были в лесу Кияни* и понесли к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум полонило; это ведь два сокола слетели с отчего престола золотого добыть города Тмутороканя или испить шлемом Дона. Уже соколам крыльца подсекли сабли поганых, а самих опутали в путы* железные». Темно ведь было в третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли, и с ними молодые месяцы — Олег и Святослав — тьмою заволоклись и в море погрузились, и великую смелость возбудили в хиновах*. На реке на Каяле тьма свет покрыла: по Русской земле рассыпались половцы, как выводок гепардов. Уже хула сменила хвалу; уже ударило насилие на сво-

тресну нужда на волю; уже връжесе дивь на землю. Се бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово, лелѣють мечь Шароканю*. А мы уже, дружина, жадни веселия!

Тогда великій Святъславъ изрони злато слово с слезами смѣшено и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!* Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлвити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многоволя брата моего Ярослава, съ черниговьскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ реугы, и съ ольберы*. Тии бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: «Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ!» А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицѣ възбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду*. Нѣ се зло — княже ми неспособность: наниче ся години обратиша. Се у Римъ кричатъ подѣ саблями половецкыми, а Володимиръ подѣ ранами*. Туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великій княже Всеволоде!* Не мыслию ти прелетѣти издаля, отня злата стола поблюсти?* Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти! Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ*. Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти — удалыми сыны Глѣбовы*.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!* Не ваю ли вои злачеными шелома по крови плаваша?* Не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемъ? Вступита, господина, въ злата стремя за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!* Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперѣ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облакы, суды рядя до Дуная*. Грозы твоя по землямъ текутъ, отворяеши Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями*. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощей, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе!* Храбрая мысль носитъ ваш умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.

боду; уже бросился див на землю. И вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, звеня русским золотом, воспевают время Бусово, лелеют месть за Шарукана*. А нам уже, дружине, нет более веселия!

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О сыновцы мои, Игорь и Всеволод!* Рано начали вы Половецкой земле мечами обиду творить, а себе славы искать. Но без чести вы одолели, без чести кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата скованы и в отваге закалены. Что же сотворили вы моим серебряным сединам!

А уже не вижу власти сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава, с черниговскими боярами, с могучими, и с татранами, и с шельбирами, с топчаками, и с ревугами, и с ольберами*. Те ведь без щитов, с засапожными ножами кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу. Но сказали вы: «Помужествуем сами: прошлую славу себе похитим, а будущую сами поделим!» А разве дивно, братья, старому помолодеть? Когда сокол линяет, высоко птиц взбивает; не даст гнезда своего в обиду*. Но вот зло — князья мне не помогают: худо времена обернулись. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами*. Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод!* Неужели и мысленно тебе не прилететь издалека отчий золотой стол поблюсти?*. Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить! Если бы ты был здесь, то была бы раба по ногате, а раб по резане*. Ты ведь можешь посуху живыми шерещирами стрелять — удалыми сынами Глебовыми*.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд!* Не ваши ли воины золочеными шлемами по крови плавали?*. Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными на поле незнаемом? Вступите же, господа, в золотые стремяна за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!* Высоко сидишь ты на своем златокованом престоле, подпер горы Угорские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды рядя до Дуная*. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву врата, стреляешь с отчего золотого престола салтанов за землями*. Стреляй же, господине, в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав!* Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко взмываешь на подвиг в отваге, точно сокол на ветрах паря, стремясь птицу храбро одолеть. Есть ведь

Суть бо у ваю желѣзныи паворзи* подѣ шеломи латиньскими. Тѣми тресну земля, и многы страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела*, и половци — сулицы своя поврѣгоша, а главы своя подклониша подѣ тьи мечи харалужныи. Нѣ уже, княже Игорю, утрѣпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомѣ листвие срони: по Руси и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити! Донѣ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, dospѣли на брань.

Инѣгварь и Всеволодѣ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци!* Не побѣдными жребии собѣ власти расхытитесте! Кое ваши златыи шеломи и сулицы ляцкыи и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святѣславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомѣ течетъ онымѣ грознымѣ полочаномѣ подѣ кликомѣ поганыхѣ. Единѣ же Изяславѣ, сынѣ Васильковѣ, позвони своими острыми мечи о шеломи литовьскыя, притрепа славу дѣду своему Всеславу*, а самѣ подѣ чрѣлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанѣ литовьскими мечи и с хотню на кров а тѣи рекѣ*: «Дружину твою, княже, птицѣ крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не быстѣ ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода. Единѣ же изрони жемчюжну душу изѣ храбра тѣла чресѣ злато ожерелие*. Уныли голоси, пониче веселие, трубы трубятъ городеньскыи.

Ярославлѣ вси внуце и Всеславлѣ!* Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте изѣ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начястѣ наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которою бо бѣше насилѣ отѣ земли Половецкыи!

На седьмомѣ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславѣ жребий о дѣвицю себѣ любу*. Тѣй клюками подпрѣся о кони и скочи къ граду Киеву и дотчеся стружиемѣ злата стола киевьскаго. Скочи отѣ нихѣ лютымѣ звѣремѣ вѣ плѣночи изѣ Бѣлаграда*, обѣсися синѣ мьглѣ утрѣже вазни, с три кусы* отвори врата Новуграду, разшибѣ славу Ярославу, скочи вѣлкомѣ до Немиги сѣ Дудутокѣ*

На Немизѣ снопы стелютъ головами*, молотятъ чѣпи харалужными, на тоцѣ животѣ кладутъ, вѣютъ душу отѣ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомѣ бяхутъ посѣяни — посѣяни костями рускихѣ сыновѣ.

Всеславѣ князь людемѣ судяше, княземѣ грады рядяше, а самѣ вѣ ночь вѣлкомѣ рыскаше*: изѣ Киева дорискаше до курѣ Тмутороканя, великому Хрѣсови вѣлкомѣ путь прерыскаше*. Тому вѣ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи вѣ колоколы, а онѣ вѣ Киевѣ звонѣ слыша*. Аще и

у ваших воинов железные паворзи* под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны — Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела*, и половцы копья свои повергли, а головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, о князь Игорь, померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, подоспели на брань.

Ингварь и Всеволод, и все три Мстиславича, не худого гнезда шестокрыльцы!* Не по праву побед расхитили вы себе владения! Где же ваши золотые шлемы и копья ляшские и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями для города Переяславля, и Двина болотом течет для тех грозных полочан под кликом поганых. Один Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, прибил славу деда своего Всеслава*, а сам под червлеными щитами на кровавой траве был прибит литовскими мечами со своим любимцем, а тот сказал*: «Дружину твою, князь, птицы крыльями приделали, а звери кровь полизали». Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода. Один изронил он жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье*. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городенские.

Ярослава все внуки и Всеслава!* Склоните стяги свои, вложите в ножны свои мечи поврежденные, ибо лишились вы славы дедов. Вы ведь своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую, на богатство Всеслава. Из-за усобицы ведь пошло насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна кинул Всеслав жребий о девице ему милой*. Он хитростями оперся на коней и скакнул к городу Киеву и коснулся древком золотого стола киевского. Скакнул от них лютым зверем в полночь из Белгорода*, объятый синей мглой, добыл он счастье, в три удара* отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярославу, скакнул волком до Немиги с Дудуток*.

На Немиге снопы стелют из голов*, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были засеяны — засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам в ночи волком рыскал*: из Киева дорыскивал до петухов до Тмутороканя, великому Хорсу волком путь перерыскивал*. Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано у Святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал*. Хоть и вещая душа

вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда бо жиа не минути».

О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князей! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ*: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нѣ розно ся имѣ хоботы пашуть*. Копиа поють!

На Дунаи Ярославнынѣ гласъ* ся слышитъ, зегзицею незнаема рано кычетъ: «Полечю,— рече,— зегзицею по Дунаеви, омочю бибрянѣ рукавъ* въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши? Чему мычеша хиновскыя стрѣлки на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бѣшетъ горѣ под облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?»

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменная горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави насады до плѣку Кобякова*. Възлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! Всѣмъ тепло и красно еси, чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имѣ лучи съпряже, тугою имѣ тули затче?»

Прысну море полунощи, идутъ сморци мѣглами. Игореву князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зори. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлурѣ* свисну за рѣкою; велитъ князю разумѣти: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся половецкыи подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию и бѣлымъ гоголемъ на воду. Въврѣжеся на брѣзѣ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ*. И потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мѣглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влурѣ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претрѣгоста бо своя брѣзая комоня.

Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влѣнахъ, стлавшу ему

была у него в храбром теле, но часто от бед страдал. Ему вещей Боян давно припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни удалому, ни птице удалой суда божьего не миновать».

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским*; а ныне встали стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, но врозь их знамена развеваются*. Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос* слышится, кукушкою безвестною рано кукует: «Полечу,— говорит,— кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав* в Каяле-реке, утру князю кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «О ветер, ветрило! Зачем, господине, враждебно веешь? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего лады? Разве мало тебе было высоко под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господине, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет в Путивле-городе на забрале, приговаривая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы насады до стана Кобякова*. Прилелей же, господине, моего ладу ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и прекрасно, зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи на воинов моего лады? В поле безводном жаждой им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло?»

Прыснуло море в полуночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой в землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Коня в полночь Овлур* свистнул за рекою; велит князю разуметь: князю Игорю не быть в плену! Кликнула, стукнула земля, зашумела трава, вежи половецкие задвигались. А Игорь-князь поскакал горностаем к тростнику и белым гоголем на воду. Вскочил на борзого коня и соскочил с него серым волком*. И побежал к излуине Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и обеду, и ужину. Коли Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стряхивая собою студеную росу: ибо загнали они своих борзых коней.

Донец говорит: «Князь Игорь! Немало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!» Игорь говорит: «О Донец! Немало тебе величия, лелеявшему князя на волнах, стлав-

зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подѣ сѣнию зелену древу; строжаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ»*. Не тако ти, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы, рострена къ устью, уношу князю Ростиславу затвори*. Днѣпръ темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли прѣклонилось.

А не сорокы втроскоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлѣкоша, сорокы не троскоташа, полозие* ползаша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми пѣсньми свѣт повѣдають. Млѣвить Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злаченными стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею». И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею*, ни нама будетъ соколца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити вѣ полѣ Половецкомѣ».

Рекъ Боянъ и Ходына, Святѣславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы* кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы», — Руской земли безѣ Игоря.

Солнце свѣтитъ на небесѣ, — Игорь князь вѣ Руской земли; Дѣвици поють на Дунаи*, — вьютъя голоси чрезѣ море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощей*. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: «Слава Игорю Святѣславличю, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу!» Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плѣки! Княземъ слава а дружинѣ!

Аминь*.

шему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева; ты стерег его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями на ветрах»*. Не такова-то, говорит он, река Стугна: скудную струю имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширенная к устью, юношу князя Ростислава заключила*. На темном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, и дерево с тоской к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря едут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы* ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет возвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, расстреляем соколенка своими золочеными стрелами». Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если его опутаем красной девицей*, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, и станут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына, Святославовы песнотворцы старого времени Ярославова, Олега-князя любимцы: «Тяжко голове* без плеч, беда телу без головы» — так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе, — а Игорь-князь в Русской земле; девицы поют на Дунае*, — вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей*. Сёла рады, грады веселы.

Певше песнь старым князьям, потом и молодым петь: «Слава Игорю Святославичу, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу!» Здрaвы будьте, князья и дружина, борясь за христиан против нашествий поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь*.